

Дело 1862 г. № 5

БЛАГОВѢЩЕНСКЪ

ВЪ 1862—1863 ГОДАХЪ.

I.

Послѣ разныхъ приключеній, обыкновенно испытываемыхъ путешественниками по Сибири, мы наконецъ пристали къ берегу у Благовѣщенска. Первое впечатлѣніе было очень незавидное. Въ Благовѣщенскѣ объ извозчикахъ конечно никогда не было и помину; на берегъ, для перевозки багажа явилась только одна телѣга. Я пошелъ отыскивать сначала пристанище и попалъ на квартиру къ одному чиновнику. — Возвратившись къ пароходу, я увидѣлъ весь берегъ преобразившимся: на разстояніи сажень ста лежали груды чемодановъ, подушекъ, узелковъ, картоновъ и всякой дорожной всячины, ожидающей перевозки съ берега на квартиры. Одинокая телѣга, принадлежавшая, какъ оказалось переселенцу молокану *) уже совершила нѣсколько переѣздовъ отъ парохода въ пустынные улицы города и обратно. Только—что она возвращалась къ пароходу, какъ ее снова заваливали снизу доверху багажомъ и усталая лошадь снова плелась по пустыннымъ улицамъ молодаго го-

*) Секта молоканъ переселена на Амуръ изъ таврической губерніи.

рода. Предъ окончаніемъ перевозки явилась на выручку какая-то колесница, служившая для перевозки бревенъ и, такимъ образомъ способъ передвиженія улучшился. Съ грѣхомъ пополамъ наконецъ дошла очередь и до моего багажа, и кое-какъ я перебрался на квартиру.

Благовѣщенскъ, какъ и всѣ вообще поселенія по Амуру, очень растянутъ вдоль берега, — устье рѣки Зеи, впадающей въ Амуръ съ лѣвой стороны, находится въ двухъ верстахъ отъ города. Благовѣщенску долго еще суждено не дотянуться до этого пункта. Препятствіемъ къ достиженію этой цѣли служить главнымъ образомъ, во первыхъ, ошибка при основаніи города, застроеннаго въ 4 верстахъ отъ устья Зеи, во вторыхъ, малочисленность населенія и въ третьихъ — станица Нижнеблаговѣщенская, построенная при самомъ устьѣ Зеи. Это послѣднее препятствіе, впрочемъ, устранено. Казаки переселены теперь выше города за 7 верстъ, вверхъ по теченію Амура, въ станицу Верхнеблаговѣщенскую.

Описывать Благовѣщенскъ я считаю совершенно лишнимъ, потому что съ того времени, какъ писалъ о немъ г. Максимовъ, городъ почти нисколько не измѣнился, — прибыло два дома по берегу, да уничтожилось нѣсколько землянокъ, замѣненныхъ лачугами, построенными на второй улицѣ.

Вслѣдъ за пароходами стали приплывать къ Благовѣщенску и баржи съ товарами. Интересно и поучительно это плаваніе баржей. Отправляются онѣ изъ г. Читы тотчасъ же по вскрытіи р. Шилки, и выгода каждого кушца, конечно, проплыть по Амуру первымъ — лучше поторгуетъ. Сколько усилій употребляетъ каждый, чтобы плыть впереди; сколько затаенныхъ желаній неудачи своему собрату кинуть на его сердцѣ! Стеченіе этихъ неуклюжихъ баржъ сильно оживляетъ городъ, въ особенности по набережной улицѣ. Около берега стоятъ пять-шесть баржъ и идетъ въ нихъ торговля. Чиновники съ супругами, казаки, казачки, манчжуры и манчурки, — всѣ спѣшатъ къ баржамъ и производятъ въ нихъ нѣчто подобное толчеѣ. Только къ полудню около баржъ толпа рѣдѣетъ и дѣлается посвободиѣ. Я пошелъ посмотрѣть на торговлю и зашелъ въ одну изъ баржъ, — покупателей было очень немного, да и тѣ видимо зашли полюбопытствовать; только манчжуръ съ своей женой засматривался на занимавшіе его часы съ кукушкой; какъ на грѣхъ часы начали бить двѣнадцать и кукушка, припрыгивая, начала куковать. Манчжурка раскрыла ротъ отъ удивленія и дер-

БЛАГОВЪЩЕНСКЪ ВЪ 1862—1863 г.

3

тала за полы своего мужа; манжуръ замѣтно и самъ изумлялся жукушкѣ и хотѣлъ пріобрѣсть ее въ собственность, но чувствовалъ, что она должна стоить не дешево.

— А сколько пятаки, тута часа стоита? спрашиваетъ онъ купца.

— Много пятаки, улыбаясь, отвѣчаетъ купецъ: — рублями считать надо, пятаками не сочтешь.

— Ну, плимѣрно, сколько бумажки (ассигнаціи)?

— Десять бумажки.

— Пять бумажка! сердито сказалъ манжуръ и хотѣлъ идти изъ баржи, во избѣжаніе соблазна, но умоляющій взглядъ манжурки остановилъ его.

Публика изъ баржи поубралась, стало еще свободнѣе. Манжуръ началъ торговаться съ купцомъ, предлагалъ ему устроить мѣну на овесъ, рисъ, гречу, но купецъ мѣнять не соглашался. Наконецъ торгъ порѣшили на восьми бумажкахъ. Купецъ уложилъ часы въ ящикъ и манжуръ бережно понесъ ихъ въ свою лодку, такъ же бережно, какъ Плюшкинъ несъ, полученные отъ Чичикова, кредитные билеты.

Дней шесть продолжалась оживленная торговля на баржахъ, а потомъ въ одинъ день, одна за одной, онѣ отчалили отъ берега, стараясь не давать одна другой преимущества приплыть къ станціѣ ранѣе. Вслѣдъ за баржами, уплывшими внизъ съ красными товарами, стали приплывать къ берегу Благовѣщенска баржи съ бакалейными товарами — сыръ, икра, макароны, горошекъ, варенье, стеариновые и сальные свѣчи, мыло и русское масло изъ Забайкалья, нѣсколько лучшее и дешевле манжурскаго. Опять спѣшать жители закупать такъ давно не видѣнные продукты, потому что въ городскихъ лавкахъ (Юдина и Амурской Комп.) еще съ начала зимы все уже было распродано и, по словамъ жителей, зимой выписывали изъ Читы съ почтой стеариновые свѣчи.

Май мѣсяцъ самое оживленное время для Благовѣщенска. Кромѣ баржъ, приходящихъ изъ Читы, въ городѣ строятся свои баржи; мѣстные капиталисты (все тѣ же: Юдинъ, Амурская компанія, Людорфъ и Кандинскій) закупаютъ у манжуръ быковъ, просо, ячмень, рисъ, овесъ, гречу и все это сплавляется въ Николаевскій портъ для удовлетворенія жителей, насидѣвшихъ во время зимы на солонинѣ, да на замороженномъ мясѣ, продаваемомъ по 16 руб. пудъ, да и то въ видѣ милости, ради знакомства.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ, по набережной улицѣ города, по распоряженію мѣстнаго начальства, начались работы. Предполагалось протянуть во всю длину города береговую аллею и около одного изъ домовъ, — высунувшихся на самый край берега безъ кола и двора, — рассадить цѣлый лѣсъ — нѣчто въ родѣ парка, въ миниатюрѣ конечно. Въ это время случилось здѣсь страшное происшествіе, — убійство двухъ человѣкъ, сдѣланное въ домѣ купца Пахолкова. Этотъ ужасный случай встревожилъ весь городъ, забыли про паркъ и про аллею. Дѣло было такимъ образомъ: вечеромъ, въ восемь часовъ, кунецъ Пахолковъ, возвратившись домой, увидѣлъ убитыми своего кучера и мальчика лѣтъ 15-ти; въ домѣ все было перерыто, изъ гардероба повыбрасано платье, чемоданы разрѣзаны и брошены посреди комнаты, но такъ какъ у чемодановъ было двойное дно съ секретнымъ помѣщеніемъ для кредитныхъ билетовъ, то убійцы, совершивъ преступленіе, не могли найти денегъ. Сумма же, находившаяся на днѣ чемодановъ, была около тридцати тысячъ рублей. Наряжено было слѣдствіе и преступленіе въ продолженіи двухъ недѣль открылось: убійцы были два плотника, работавшіе въ сосѣднемъ домѣ баталіоннаго командира Языкова. Дѣло вмѣстѣ съ преступниками переслала въ Забайкальскую область.

II.

Въ Благовѣщенскѣ, каждый мѣсяцъ, двѣ недѣли продолжается манчжурская ярмарка. Много было заботъ и хлопотъ при выборѣ мѣста для этой ярмарки. Три раза ее устраивали на различныхъ мѣстахъ, три раза торговцы русскіе и манчжурскіе разбирали свои лавки и переносили ихъ съ одного мѣста на другое. Переселившись съ лавками на третье мѣсто манчжуры начали громко говорить, что если еще разъ заставятъ ихъ переносить свои лавки, то они и торговать въ русскомъ городѣ не будутъ, а уѣдутъ къ себѣ домой на родной лѣвый берегъ. Къ счастью, лавки остались на третьемъ мѣстѣ, по близости котораго соорудили изъ стараго дома, — ранѣе бывшаго помѣщеніемъ для губернатора, — гостинный дворъ

и надъ нимъ водрузили коммерческій флагъ. Въ гостиномъ дворѣ, во время моего прїѣзда въ Благовѣщенскъ, лавокъ никто не занималъ, да и некому было: у купцовъ лавки настроены около своихъ домовъ.

Манчжурская ярмарка начиналась обыкновенно съ девяти часовъ утра. Десятки разнообразныхъ, болѣе или менѣе фигурныхъ лодокъ приставали къ русскому берегу. Манчжуры выгружали свои товары и таскали ихъ на ярмарку на своихъ собственныхъ плечахъ. Нойонъ (чиновникъ) ударялъ нѣсколько разъ въ бубны и ярмарка съ этого момента считалась открытой. Ъхали городскіе барыни, большею частію жены чиновниковъ и офицеровъ, закупать провизію; шли казаки и поселенцы кто за мукой, кто за табакомъ или аракой; появлялась въ толпѣ народа, присущая исключительно только амурскому краю, обдерганная фигура казака-сынка *), получившаго на Амурѣ званіе *гольטיפака*. Торговля начиналась. Манчжуры безпокойно поводили глазами, стараясь поймать значеніе русскихъ словъ, размахивали руками, показывая пальцы и безжалостно ломали и коверкали русскія слова, перемѣшивая ихъ съ своей родной рѣчью.

— Анда (другъ)! говорилъ пошатываясь гольטיפакъ, протягивая руку къ папушкѣ табаку.

— Шолоро (уйди)! кричалъ манчжуръ, махая руками: Шолоро! Лаканза (худо)!

— Сколько пятаки? бормоталъ пьяный, бессмысленно выпучивая осоловѣвшіе глаза.

— Шолоро! Монгу ачи ты (денегъ нѣтъ у тебя), снова кричалъ манчжуръ, выпроваживая пьянаго гольטיפака изъ своей лавчонки.

Гольטיפакъ, вѣрный самому себѣ, начиналъ сыпать отчаянную брань на неповинную голову манчжура и хотѣлъ драться, но сознавая собственное безсиліе, пошатываясь и ругаясь, уходилъ далѣе, гдѣ снова начиналась та же исторія съ другимъ манчжуромъ.

Торговались покупатели такимъ образомъ: поселенецъ подходитъ къ лавкѣ и высматриваетъ что ему нужно, потомъ беретъ извѣстный продуктъ въ руки и показываетъ его манчжуру. Манчжуръ

*) Казакъ-сыночекъ — это штрафной солдатъ, переселенный на Амуръ. Сынами называютъ ихъ потому, что, не имѣя ни кола ни двора, они розданы были по одному на казацкую семью.

поднимаетъ пальцы къ верху, означая ими количество пятаковъ, требуемое имъ за покупаемую вещь.

— Пять пятаковъ што-ли тебѣ? спрашивалъ поселенецъ, поднимая всю ладонь къ верху.

— Айя! Айя (хорошо)! кричалъ весело манчжуръ, радуясь что его поняли. Поселенецъ показывалъ четыре пальца. Манчжуръ отрицательно качалъ головой и, не имѣя силы выдержать молчаніе, принимался говорить по манчжурски, не смотря на то, что поселенецъ не понималъ ни слова. Поселенецъ наконецъ выкладывалъ на прилавокъ извѣстное количество денегъ, и торгъ оканчивался.

Далѣе, около одной изъ лавокъ, манчжуръ, по видимому бѣдный и уже довольно старый, въ дырявомъ кафтанишкѣ, держалъ въ рукахъ дикаго гуся и старался объяснить окружавшимъ его казакамъ, какъ онъ поймалъ его. Онъ представлялъ своей фигурой птицу, идущую по степи, тревожно и торопливо поворачивалъ своей старческой головой въ разныя стороны, какъ будто высматривая нѣтъ-ли гдѣ врага-человѣка и потомъ вдругъ начиналъ дергать правой ногой, доказывая этимъ, что гусь попался въ петлю, разставленную въ полѣ. Манчжуръ окончилъ свою пантомиму и глупо улыбался, вопросительно смотря на публику.

Пѣлый день около лавокъ тѣснится толпа казаковъ и поселенцевъ, безцѣльно передвигающаяся отъ одной лавки къ другой. Къ полудню начинаютъ показываться казаки, къ вечеру слышатся тамъ и сямъ пѣсни; пѣсни смѣняются крикомъ, бранью и доходятъ наконецъ до драки. Часамъ къ семи раздается снова ударъ въ бубны. Торопливо начинаютъ бѣгать и суетиться манчжуры; собирая свои товары, они спѣшатъ къ своимъ лодкамъ, боясь опоздать и подвергнуться за это справедливому гнѣву своего нойона, присутствующаго на ярмаркѣ съ утра до вечера, въ качествѣ охраняющей силы. Быстро таскаютъ манчжуры съ ярмарки къ своимъ лодкамъ товары, быстро укладываютъ ихъ и отплываютъ отъ русскаго берега. Вскорѣ по рѣкѣ поднимается свистъ и визгъ: манчжуры, распустивъ паруса, вызываютъ своимъ свистомъ бога вѣтровъ, прося у него помощи и попутнаго вѣтра.

Обороты благовѣщенской ярмарки конечно ничтожны. Въ продолженіи двухъ недѣль ежедневной торговли, всѣ манчжурскія лавки вмѣстѣ выручатъ не болѣе двухъ тысячъ рублей кредитными билетами. Всѣ эти билеты потомъ переходятъ чрезъ руки манчжуръ въ карманы мѣстныхъ русскихъ купцовъ, вымѣнивающихъ

ихъ на русское серебро, считая каждый рубль въ 1 р. 50 к. и 1 р. 75 к. Со времени заселенія Амура цѣна на серебро была за каждый серебряный рубль два бумажныхъ рубля, но возрастающая конкуренція на эту выгодную (лично для купца) торговлю, понизила курсъ на серебро до 1 р. 40 к. Благовѣщенскіе купцы ведутъ съ манчжурами дѣла отдѣльно отъ ярмарочной торговли; эта послѣдняя, такъ сказать, мелочная, розничная торговли, имѣетъ отношеніе только къ мѣстнымъ жителямъ. Торговля же мѣстныхъ купцовъ съ манчжурами ведется на дому. Купцы закупаютъ отъ манчжуръ большими партіями быковъ, муку и проч. и сплавляютъ означенные продукты внизъ по Амуру до Николаевского порта, гдѣ нерѣдко продаютъ часть своихъ товаровъ на иностранные корабли или вымѣниваютъ ихъ на джинъ, портеръ и т. п. Иностранные корабли покупаютъ или мѣняютъ только въ такомъ случаѣ, когда имъ необходимо имѣть балластъ. Кромѣ отправки изъ Благовѣщенска партій живыхъ быковъ, нѣкоторые изъ купцовъ отправляютъ внизъ по Амуру значительное количество солонины въ боченкахъ, покупая быковъ тоже отъ манчжуръ и засаливая мясо на мѣстѣ. Боченки заготавливаются молоканами изъ сосѣдняго съ городомъ селенія, расположеннаго около рѣки Зен.

Получая отъ манчжуръ всѣ вышеозначенные предметы, русскіе купцы взамѣнъ ихъ выдаютъ большею частію русскую серебряную монету. Русскіе товары конечно тоже идутъ къ манчжурамъ, но сравнительно въ весьма незначительномъ количествѣ, болѣе всего плисъ, даба, нанка, иглы и отчасти сукна. Кромѣ торговли съ купцами, манчжуры закупаютъ много скота въ казну и получаютъ за это звонкой монетой.

Сентябрь и октябрь въ Благовѣщенскѣ снова оживляются торговлей. Всѣ спѣшатъ покупать заграничные товары,—и на Амурѣ успѣла развиваться страсть къ заграничнымъ предметамъ, конечно только въ высшихъ слояхъ общества. Въ 1862 г. Людорфъ имѣлъ въ такомъ ничтожномъ по населенію городѣ, каковъ Благовѣщенскъ, иностранныхъ товаровъ на тридцать тысячъ рублей серебромъ; но да не подивится читатель этой цифрѣ—большая часть товаровъ заключалась въ винахъ, а остальная, менѣе значительная, въ мануфактурныхъ издѣліяхъ, въ сахарѣ, сигарахъ, въ бакалейныхъ товарахъ и въ косметическихъ вещахъ. Стеариновыя свѣчи предпочитаютъ покупать русскія, потому что, привозимыя черезъ Николаевскъ, гамбургскія свѣчи невыносимая дрянь, издаю-

щая вонь и отекающая хуже салныхъ. Папирсы привозятся изъ Иркутска, Нерчинска и Читы отъ 50 к. до 1 р. за сотню. Частію онѣ приготавлиются на мѣстѣ изъ привозимаго русскими турецкаго табака. Осенью 1863 года, когда уже не было болѣе надежды получить товаръ изъ Забайкалья, одинъ торговецъ скупилъ весь имѣвшійся въ городѣ табакъ и началъ дѣлать сквернѣйшія папирсы, подмѣшивая въ турецкій табакъ манчжурскій листовой и эту смѣсь изволилъ продавать по чудовищной цѣнѣ. Публика конечно была весьма недовольна такой продѣлкой, бранила въ глаза и за глаза лавочника, но все-таки покупала папирсы его фабрикаціи. Всѣ означенные товары — вина, портеръ, сахаръ, папирсы и сигары привозятся въ Забайкалье, а въ Иркутскъ они не попадаютъ по причинѣ пошлины, взимаемой со всѣхъ иностранныхъ товаровъ, провозимыхъ чрезъ Амуръ. Мѣра эта конечно, уменьшаетъ привозъ товаровъ и отчасти тормозитъ развитіе торговли на Амурѣ. Многіе изъ торговыхъ людей оправдываютъ эту мѣру, говоря, что иначе американцы забрали бы на Амурѣ всю торговлю въ свои руки; что и теперь они подавляютъ русскую торговлю; но если американцы удачно ведутъ дѣла на Амурѣ, то отчего же этого не могутъ дѣлать русскіе, что же смотрѣла и чѣмъ занималась Амурская компанія во время своего существованія на Амурѣ?

Всѣ эти пресловутые управляющіе, директоры, ревизоры, что могутъ отвѣчать на прямой вопросъ о причинѣ разстройства дѣлъ компаніи? У Амурской компаніи былъ очень солидный основной капиталъ и при этомъ капиталъ конечно не менѣе почтенный кредитъ; слѣдовательно, что же разстроило ее? Чего недоставало ей для того, чтобы полновластно господствовать на Амурѣ и конкурировать съ мелкими американскими торговцами? Крупныхъ неудачъ и несчастій у нея ни разу не было, — слѣдовательно, гдѣ же причина упадка дѣлъ? Извѣстно, чего недостаетъ намъ — самага главнаго, — недоставало знанія, — вотъ чѣмъ была больна амурская компанія! И эта болѣзнь, какъ и слѣдовало ожидать, довела компанію до того, что дѣло прекратилось распродажею оставшагося имущества и товаровъ по 7% за рубль.

Единственная польза, которую принесла умершая компанія на Амурѣ, это то, что большая часть служащихъ въ ней лицъ завели свои собственныя дѣла; компанія въ этомъ случаѣ конечно играла страдательную роль.

Цѣны на жизненные припасы въ Благовѣщенскѣ по нѣкоторымъ продуктамъ много разнятся зимой и лѣтомъ, потому я считаю излишнимъ выставить тѣ и другіе. Товары получаются изъ двухъ источниковъ. Такимъ образомъ:

Цѣны за пудъ.

Отъ манчжуръ получается:

Зимою.

Лѣтомъ.

Мясо	1 р. 80 к. и 2 р.	3 р. 50 к. и 4 р. 20 к.
Пшеничн. мука .	1 » 50 » и 1 » 75 к.	2 » » » и 2 » 30 »
Осетрина свѣж.	1 » 80 » и 2 » » »	2 » » » » » » »
Икра свѣж. осе- тровая	2 » » » и 2 » 50 »	2 » 50 » » » » »
Фазаны моро- женные пара . .	» » » » » » 50 »	зимою только.
Масло коровье .	12 » » » » » » »	14 » » » » » » »
Сало коровье . .	4 » 50 » » » » » »	6 » » » » » » »
Овесъ	» » » » » » 35 »	» » » » » » 50 »
Греча	» » » » » » 40 »	» » » » » » 40 »
Рисъ	2 » » » » » » »	» » » » » 2 » » »
Табакъ листов.	6 » » » » 7 » » »	6 » » » » 7 » » »

Отъ русскихъ покупается:

Ржан. мук. пуд.	» 80 » и 1 » » »	» » 80 » » 1 » » »
Соленая капуста за ведро . . .	2 » 50 » » 3 » » »	» » » » » » » »
Свѣжая капуста 100 вилковъ.	» » » » » » 10 »	» » » » » » » »
Дрова сажень .	2 » 75 » » 3 » » »	2 » 75 » » » » » »
Сѣно возъ . . .	1 » 50 » » » » »	1 » 50 » » » » » »
Свѣчи салныя изъ Читы . . .	10 » » » » » » »	8 » » » » » » »
Масло изъ Читы	8 » » » » » » »	6 » » » » » » »

Кромѣ огурцовъ на благовѣщенскомъ базарѣ мнѣ не случалось никогда встрѣчать другихъ овощей. Нѣкоторые изъ хозяевъ имѣютъ у себя огороды, но на продажу никто не отдаетъ, а пользуется самъ плодами своихъ трудовъ. Въ послѣднее время, благодаря молочанамъ, на базарѣ стала появляться свѣжая капуста и арбузы; на капусту, какъ видно изъ таблицы, цѣна существуетъ ужасная, но это потому, что она плохо родится, а на арбузы я цѣны не помню.

III.

Въ Благовѣщенскѣ мнѣ нужно было прожить по моимъ собственнымъ дѣламъ болѣе году, и потому волей неволей нужно было мириться со скукой и бездѣйствіемъ. Общественной жизни въ городѣ нѣтъ и помину. Небольшое общество чиновниковъ и офицеровъ, сначала такъ хорошо и дружно жившее, чрезъ полгода, подъ вліяніемъ сплетней и дамской хлестаковщины, перессорилось между собой и раздѣлилось на отдѣльные кружки. Общество же купцовъ г. Благовѣщенска составляетъ особый кружокъ, гдѣ спокойствіе ералаша, преобладающаго въ чиновничьемъ кружку, замѣняется тревожнымъ штосомъ, стуколкой и звономъ бутылокъ и стакановъ. Къ этой средѣ примкнула часть холостаго чиновничества и между ними, во время моей жизни въ Благовѣщенскѣ, занималъ первое мѣсто какой-то молодой фельдшеръ. Онъ пользовался полнѣйшимъ авторитетомъ по части опустошенія купеческихъ кармановъ... Въ Благовѣщенскѣ въ купеческомъ кругу не проходитъ ночи, въ которую бы почтенные комерсанты не играли до зари въ карты; нѣсколько лицъ сначала пріѣхавшихъ на Амуръ по торговымъ дѣламъ, видя успѣшность картежной игры, — оставили свои дѣла и занялись специально стуколкой.

Обвинять эту нелѣпую жизнь безусловно нельзя. Люди, не приготовленные ни воспитаніемъ, ни жизнію, къ другой болѣе здоровой и полезной дѣятельности, все же скучаютъ, и противъ этой скуки нѣтъ для нихъ никакого средства, кромѣ картежной игры или пустой, ни къ чему не ведущей болтовни. О книгахъ, напримѣръ, тутъ и помину нѣтъ.

Въ мое время въ Благовѣщенскѣ поговаривали частенько объ устройствѣ клуба, но дѣло тѣмъ и кончилось, что поговорили и пошумѣли; а впрочемъ клубъ не можетъ создать общества, когда его нѣтъ...

У насъ есть, такъ называемый, свѣтъ,

Есть даже люди, но общества нѣтъ:

Русская мысль въ одиночку созрѣла,

Да и гуляетъ безъ дѣла.

Въ одинъ изъ теплыхъ вечеровъ я по обыкновенію вышелъ гулять. Пустынно было по улицамъ, давно замолкъ стукъ топоровъ, раздававшихся тамъ и сямъ въ продолженіи дня, прекратились выстрѣлы артиллерійскаго ученія и баталіонные солдаты возвращались уже съ работъ по постройкѣ новаго деревяннаго собора, только военные музыканты наигрывали еще свои марши противъ губернаторскаго дома. Былъ четвергъ *). Публика лѣнливо и какъ-то сонно двигалась по набережной улицѣ; видно было, что всѣ другъ другу давно наскучили и не знаютъ куда дѣваться отъ бездѣйствія и тоски. Какъ радость, какъ Богъ знаетъ какое необыкновенное счастье, — оживилъ долетѣвшій издали пароходный свистъ, всѣ засуетились, ожили и спѣшили скорыми шагами къ мѣсту пароходной пристани. Пароходъ идетъ! пароходъ идетъ! слышалось всюду. На берегу начала собираться толпа. Появились купцы; за ними слѣдомъ манчжуры. Слышался разговоръ.

— Что же вы берете у меня рубли-то? спрашивалъ купецъ.

— Модонэ ачи (не понимаемъ), отвѣчали манчжуры.

— Рубли, рубли, объяснялъ купецъ и, соединивъ большой палецъ правой руки съ указательнымъ, изобразилъ кружкомъ серебрянный рубль.

— А! Анда! Модонэ (А! другъ! поняли!)! Тута десяти тысяча есь! закричали манчжуры, показывая пальцами на пароходъ.

Купецъ началъ увѣрять, что серебра на пароходѣ быть не можетъ, что серебро изъ Россіи уже все вывезли и только у него одного осталась еще небольшая часть, но манчжуры не вѣрили его розсказнямъ и махали руками.

— Э! Анда! Знама! кажды парохода серебро вези, много есь!

Съ парохода начали сходить пассажиры, кто торопливо вертѣлъ головой въ разныя стороны, осматривая городъ, кто грустно шагаль не обращая ни на кого и ни на что вниманіе. Одинъ офицеръ велъ подъ руку даму. Дама плакала и утирала платкомъ слезы. Замѣтно было, что Благовѣщенскъ порадовалъ даму до слезъ своими длинными пустынными улицами.

Изъ толпы, стоявшей на берегу, выдвинулась впередъ высокая фигура поселенца съ клеймами на щекахъ и на лбу; онъ старался какъ возможно съжаться и принять жалобный видъ.

*) Въ Благовѣщенскѣ по четвергамъ и воскресеньямъ въ продолженіе всего лѣта на берегу играла военная музыка.

— Батюшка! пропицать онъ, разбитымъ голосомъ, подходя ко мнѣ,—нѣтъ ли, родимый, копѣчки на бѣдность! Подайте убогому, несчастному.

Я промолчалъ. Поселенецъ сталъ по очередно подходить ко всѣмъ стоявшимъ на берегу и корчилъ самую плачевную фигуру; получая отказъ, онъ шелъ далѣе и снова начиналъ выводить заунывнымъ голосомъ о своей бѣдности и убожествѣ. Кто-то отвѣтилъ ему, что готовъ бы дать милостыню, да не имѣетъ при себѣ мелкихъ. Поселенецъ еще болѣе съежился и пропицалъ самымъ жалобнымъ голосомъ: «да нѣтъ ли батюшка хоть цѣлковинькаго?»; сказалъ онъ эту фразу и самъ не могъ удержаться отъ улыбки. Публика конечно засмѣялась и кто-то спросилъ: откуда и куда пробирается онъ?

— Я, батюшки мои, отцы кормильцы, возвращаюсь изъ холодныхъ странъ николаевскихъ, съ Чиньраховской крѣпости, гдѣ былъ въ работѣ за непочтеніе родителей; возвращаюсь я въ теплыя области забайкальскія, не имѣю дневнаго пропитанія и, ради его, пріемлю отъ рукъ человѣческихъ подаваніе. Ваше высокоблагородіе! закричалъ онъ, вдругъ возвышая голосъ на цѣлую октаву: отцы благодѣтели, не откажите несчастному!

Замѣчая, что плачевный тонъ не достигаетъ своей цѣли, поселенецъ вдругъ тряхнулъ головой, выпрямился во весь свой длинный ростъ и гаркнулъ:

— Ваше высокоблагородіе! Я вамъ сказочку скажу.

— Пошолъ прочь! крикнулъ офицеръ, противъ котораго стоялъ поселенецъ.

Поселенецъ снова преобразился. Онъ разгладилъ усы, подперъ руки въ бока и грубо отвѣтилъ:

— Да ты не больно, братъ, кричи, я и самъ съ усамъ—вотъ что! Потомъ помолчалъ нѣсколько времени, обвелъ пьяными глазами толпу, взглянулъ на пароходъ, выпускавшій послѣдніе пары и, сдѣлавъ публикѣ подъ козырекъ, пошелъ по направленію къ мелочнымъ лавочкамъ, далеко дающимъ знать о себѣ запахомъ отвратительной араки.

Скоро публика разбрелась по домамъ, совершенно довольная, что приходъ парохода отчасти нарушилъ общее однообразіе. Я пошелъ далеко въ поле и возвращался назадъ, когда уже совершенно стемнѣло. По улицамъ не было уже болѣе видно ни одного чело-вѣка, кое-гдѣ лѣнливо бродили коровы или лошади. Далекъ стояли одинъ отъ другого маленькіе домики жителей, соединенные между

собою длинными плетнями, замѣняющими заборъ. Около плетней лежали свиньи. Пройдя длинную улицу, я вышелъ къ берегу рѣки. На рѣкѣ было тоже безмолвно и тихо, на пароходѣ не было видно ни души, кромѣ дежурнаго матроса — городъ спалъ, только за рѣкой въ манчжурской деревнѣ изрѣдка мелькали огоньки, да изъ губернаторскаго дома, въ раскрытое окно, неслись звуки шубертовской серенады. Только-что я прошелъ домъ губернатора, какъ встрѣтилъ ѣдущаго въ одноколку казака. Онъ окликнулъ меня. Я остановился и спросилъ, что ему нужно. Казакъ остановилъ свою тощую лошаденку и почти, шепотомъ, какъ-то таинственно спросилъ:

— Вы, ваше почтеніе, не купецъ ли?

— Да, купецъ, отвѣчалъ я, — а что тебѣ?

— Такъ-съ... мучицы вотъ вамъ не сподручно ли взять?

Я удивился этой ночной торговлѣ и заглянулъ въ одноколку, въ ней дѣйствительно лежалъ маленькій мѣшокъ муки. Неужели укралъ? подумалъ я и пригласилъ казака ѣхать на мою квартиру.

— Отчего же ты ночью привезъ продавать? спрашивалъ я.

— Да такъ пришлось... запинаясь отвѣчалъ старикъ-казакъ.

— Вѣдь не укралъ же ты ее?—всего-то, я думаю, у тебя пуда полтора.

— Пошто ваше почтеніе! какъ можно, помилуйте!

— Отчего-же ночью, скажи пожалуйста!

— Да такъ... оно точно что... какъ бы это и неловко немно- го... да ужъ такъ...

— Такъ и нужно-бы днемъ.

— Да что ужъ таится ваше почтеніе, началъ казакъ махнувъ рукой,—дѣло-то все выходитъ въ томъ, что мы здѣсь, какъ то есть отъ казны получали провіантъ, примѣрно хлѣбъ, такъ значить теперь въ уплату нудятъ, а дѣлишки-то все еще плоховаты, деньжонками-то бѣдно... Вотъ теперь бы этотъ самый мѣшокъ въ складъ казенный надо-бы везти, хлѣбушко-то отдать; а я, грѣшнымъ дѣломъ, свое-то добро крадучи продаю.

— Неладно, братъ.

— Оно точно, ваше почтеніе, не совѣмъ-то ладно; ничего тутъ какъ есть хорошаго нѣту, да вѣдь недостатки-то наши больно жидковаты, тоже вотъ примѣрно и по хозяйству все въ неустройствѣ... Другіе вонъ, наши тоже забайкальцы, которые снялись съ старыхъ-то мѣстовъ богатыми, имъ и здѣсь не хуже прежняго пожалуй, а бѣдняку вездѣ едино: все нужда, да нужда...

Я купилъ хлѣбъ у казака по рублю за пудъ, и на прощанье спросилъ его, гдѣ они поселены.

— Станица-то наша за Зеей... Вотъ теперича и падежи насъ тоже донимають крѣпко,—скотъ часто валится. Я вотъ нынѣшнимъ годомъ двухъ мериновъ сволокъ въ рѣку, только и видѣлъ, какъ ихъ унесло по рѣкѣ, а какіе мерина-то были хорошіе, да работающіе!—по двадцати пяти бумажекъ купилъ у манчжура, чистыми деньгами отвалилъ, пятьдесятъ-то рублей,—да вотъ что станешь дѣлать-то!—Старикъ вздохнулъ, поблагодарилъ за покупку и уѣхалъ со двора.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ пристали къ берегу города до пятнадцати лодокъ, на каждой сидѣло человѣкъ по пяти крестьянъ, народъ все рослый, здоровый и румяный. Жители города были удивлены причаливавшей флотиліей и на берегу стала собираться толпа любопытныхъ.

— Что вы за люди такіе! что вамъ такое здѣсь нужно? спрашивали горожане.

Изъ лодокъ вышли на берегъ нѣсколько стариковъ, помолились на востокъ и обратились къ публикѣ съ вопросомъ:

— Почтенны господа! скажите намъ, гдѣ здѣсь поселились молоканы?

— А на что это вамъ?

— Мы переселенцы, и хочется намъ съ ними повидаться и, можетъ быть, коли Господь благословитъ, поселиться съ ними по сусѣдству.

Молоканы поселены по Зеѣ, вскорѣ послѣ занятія Амура, кажется чрезъ полтора года. Они вышли изъ таврической губерніи. Народъ они весьма трудолюбивый и честный, бѣдныхъ между ними нѣтъ, а о сборѣ милостыни между ними и не слышно. Однажды случилась въ городѣ Благовѣщенскѣ покража: у одного изъ мелкихъ торгашей подрылись воры подъ лавчонку и выкрали товару рублей на пятьсотъ или шестьсотъ. Началось слѣдствіе и по розысканію оказался виновнымъ одинъ изъ молоканъ, да еще старикъ весьма почтенныхъ лѣтъ, имѣвшій свой собственный домъ и торговлю. Нужно было видѣть, какъ это поразило молоканъ, какъ они озлились на укравшаго старика и отшатнулись отъ своего собрата по вѣрѣ. «Не марай, говорили они, нашу незамаранную честь, а если ты, послѣ всего, чему тебя учили съ дѣтства до старости, оказываешься собакой—то и пусть тебѣ будетъ собачья смерть.»

Изъ гражданскихъ переселенцевъ есть еще, тоже около Благовѣщенска, скопцы, но ихъ немного, всего семей шесть или семь, и кромѣ молочнаго хозяйства, да отчасти птицеводства, они ничѣмъ не занимаются. Молокане же доставляютъ дрова, дѣлаютъ боченки для отправки внизъ по Амуру солонины, доставляютъ съ своихъ огородовъ въ городъ овощи, хотя еще и въ очень незначительномъ количествѣ. Они-же первые начинаютъ пробовать засѣвать пшеницу, которая почему-то очень плохо родится у русскихъ, подвергаясь почти каждый годъ болѣзни, извѣстной подъ названіемъ помпы, — красная сыпь на колосьяхъ. Въ манчжурскомъ-же хозяйствѣ засѣвается всего болѣе пшеница и никогда не сѣется ни ржи, ни ярицы. Нѣкоторые изъ молоканъ, болѣе состоятельные, строятъ въ Благовѣщенскѣ свои дома и отдаютъ ихъ подъ квартиры. Одинъ построилъ верстахъ въ 20 отъ города рѣчную мельницу, но при отсутствіи необходимыхъ знаній, дѣло не доведъ до конца. Одинъ артиллерійскій офицеръ предложилъ свои услуги молокану и взялся поправить у него мельницу. Но импровизованный механикъ еще больше напортилъ, такъ что молоканъ — хозяинъ мельницы, вынужденъ былъ просить услужливаго механика оставить его въ покоѣ.

— Ужъ я тѣ, ваше высокое благородіе, самыя что ни на есть лучшія арбузовъ предоставляю, только ужъ ты значить пожалуйста ослобони меня отъ твоей работы.

Офицеръ закусилъ губы и долженъ былъ оставить мельницу въ покоѣ. При основаніи города задумали наши русскіе механики устроить конную мельницу. Выстроить то выстроили, а работать на ней нельзя, — не дѣйствуетъ значить! Такъ теперь и стоитъ на берегу уродливое зданіе, крытое соломой. О вѣтряныхъ мельницахъ никто и не думалъ, а они, кажется, были бы очень полезны Благовѣщенску; — онъ стоитъ на ровной безлѣсной мѣстности и вѣтры въ немъ бываютъ очень часты и продолжительны. Сосѣди манчжуры не имѣютъ ни рѣчныхъ, ни вѣтряныхъ мельницъ, — одни только ручныя и конныя, и потому цѣна на пшеничную муку въ Благовѣщенскѣ не бываетъ дешевле 1 р. 50 к. за пудъ, доходя иногда до 2 рублей съ половиной.

Въ Благовѣщенскѣ, въ первые два года его существованія, затѣвалось многое, но ничего не сдѣлалось. Устроилось-было общество о городничества, выпросили и землю, и работы начались, да потомъ все забросили, не собравъ плодовъ, даже изъ одного посѣва. Потомъ

одинъ изъ докторовъ проектировалъ кожевенный, салотопейный, и мыловаренный заводъ, но сочувствія въ публикѣ не оказалось, хотя дѣло это дѣйствительно было бы выгодное. Въ заключеніе, архитекторъ предложилъ образовать компанію для устройства пивовареннаго завода, но это уже конечно само по себѣ не могло пойти при дороговизнѣ и недостаткѣ хлѣба. Около Благовѣщенска принимались устраивать хозяйство на раціональныхъ началахъ—два фермера. Одинъ полякъ, нарочно для этого переселившійся изъ Забайкалья, а другой мѣстнаго баталіона офицеръ, промѣнявшій шпагу на плугъ; но дѣло у обоихъ рухнулось самымъ плачевнымъ образомъ. Полякъ началъ первый. Онъ поселился по Зеѣ, приплавилъ изъ Забайкалья скотъ (въ то время не было еще разрѣшено покупать скотъ у манчжуръ), сдѣлалъ постройки и принялся за дѣло, но наступившая прибыль воды затопила его хлѣбъ, а скотъ весь палъ отъ заразной чумы. Собравъ свои послѣднія крохи, бѣдный полякъ, отецъ многочисленнаго семейства, принялся снова за дѣло и на будущую весну погорѣлъ. Пожаръ, случившійся по неосторожности бабчаго, лишилъ его послѣднихъ средствъ и возможности продолжать хозяйство. Неизвѣстно, что случилось съ нимъ впослѣдствіи. Во время моей жизни въ Благовѣщенскѣ я его видалъ скорбленнымъ и истомленнымъ. Исторія другого фермера не имѣетъ такого грустнаго характера. Онъ уложилъ на свою ферму все, что у него было, надѣлалъ долговъ и снова промѣнялъ плугъ на шпагу. Но въ исторіи амурскаго фермерства есть замѣчательный, по своей безтолкости, ходъ дѣла фермы господина Р., о которомъ самъ Р., подъ именемъ «Амурскаго хлѣбопашца» напечаталъ двѣ статьи въ «Русскомъ Вѣстникѣ»: «О вольно-наемномъ трудѣ на Амурѣ» и «Изъ Амурской жизни» (Русскій Вѣстникъ 1863 и 1866 года). Но какъ извѣстно, что правильный и безпристрастный судъ надъ самимъ собой не всякій можетъ произнести, то и г. Р., рассказывая о ходѣ своей фермы, скромничалъ передъ читателями и не рассказывалъ о своихъ хозяйственныхъ промахахъ.

Я потому говорю открыто о промахахъ г. Р., что дѣло, имъ заведенное на Амурѣ, принадлежало всецѣло мнѣ. Тутъ была положена вся моя жизнь, всѣ мои средства и самая колоссальная ошибка была конечно съ моей стороны, такъ какъ я забылъ о баснѣ Крылова, что не бываетъ добра, когда пироги печетъ сапожникъ. Теперь уже отъ этой фермы осталось только одно воспоминаніе. Гос-

подинъ Р. такъ запутался въ своихъ дѣлахъ, что не имѣлъ возможности получить выписанныя мною кругомъ свѣта сельско-хозяйныя машины, — они кажутся до сихъ поръ лежать въ Николаевскомъ портѣ, какъ увѣдомлялъ меня частнымъ образомъ торговый домъ Есипова и К^о. Я же, съ своей стороны, получить ихъ не могу, потому что всѣ акты, доказывающіе принадлежность ихъ мнѣ, переданы г. Р., уѣхавшему впоследствии съ Амура Богъ знаетъ куда.

IV.

Много было говору о странномъ выборѣ мѣста для постройки города и не мало удивлялись этому выбору; нельзя догадаться о причинахъ, руководившихъ въ этомъ случаѣ основателями города. Строевой лѣсъ далеко, городъ Айгунъ въ тридцати верстахъ, Зея въ трехъ верстахъ, пристань неудобная мѣстность песчаная и подвержена частымъ вѣтрамъ — вотъ неудобства города и, по всему вѣроятію, они были извѣстны основателямъ, слѣдовательно, изъ нихъ многіе могли быть устранены. Городъ могъ быть построенъ противъ Айгуна, гдѣ 30 тысячъ населенія, и отъ этого сосѣдства могла бы много выиграть торговля, такъ какъ обмѣнъ совершался бы быстрѣе; наконецъ, при устьѣ Зеи представлялись тоже нѣкоторыя удобства мѣстоположенія, о которыхъ вспомнили теперь, и, пересѣливъ Нижнеблаговѣщенскую станицу, начинаютъ, какъ я сказалъ выше, тянуть городъ къ устью рѣки Зеи.

Преимущества быть городу при устьѣ заключаются въ томъ что тогда не нужно было бы заводить вверхъ по Амуру лѣсъ, сплаваемый съ верховьевъ Зеи; и наконецъ, какъ не разсуждайте о безлюдности Амура, въ будущемъ очень важно значеніе города, стоящаго при двухъ громадныхъ рѣкахъ.

Для рубки лѣса назначаются зимой изъ Благовѣщенска цѣлыя экспедиціи отъ мѣстнаго начальства, подъ предводительствомъ офицера, а иногда и двухъ. Эти экспедиціи уходятъ верстъ за 500 и

лѣтомъ возвращаются на плотяхъ съ строевымъ лѣсомъ. Точно также и жители города составляютъ между собой компаніи, начинаютъ казаковъ и отправляются тоже вверхъ по Амуру или по Зеѣ. Цѣна на бревно въ Благовѣщенскѣ четырехъ-саженныя, въ шесть и семь вершковъ толщины, отъ 50 до 70 коп., смотря по количеству приплава лѣсу. Восьми-вершковые, въ пять сажень длины, отъ 70 коп. до 1 руб. за бревно.

Какъ-то однажды, когда берегъ заваленъ былъ лѣсомъ, я шелъ по набережной улицѣ и замѣтивъ на одной грудѣ бревенъ нѣсколько мужиковъ, спустился внизъ къ рѣкѣ. Мужики сидѣли за починкой своихъ зипунишковъ; поярковые шляпы, лежавшія около нихъ, давали знать, что мужички русскіе. Я пошелъ къ нимъ и попривѣтствовалъ ихъ. Мужики подняли головы, въ недоумѣніи посмотрѣли на меня, и потомъ какъ-то робко, нерѣшительно отвѣчали:

— Добро жаловать, поштенный.

— Откуда вы? спросилъ я.

Мужики помолчали и, почесавъ затылки, переспросили:

— Кто? Мы-то?

— Да. Откуда, говорю.

— Мы изъ подъ Хабаровки — и, отвѣчали они растягивая послѣдній слогъ.

— Родомъ-то откуда?

— Кто? Мы-то? опять переспросили мужики, переглядываясь между собой.

— Да. Откуда, говорю, родомъ-то?

— Родомъ-то?

— Да.

— Гм!

Нѣсколько времени прошло въ молчаніи. Я опять спросилъ.

— Откуда-же вы, добрые люди?

— Кто? Мы-то?

— Ну да. Конечно вы, съ вами вѣдь я рѣчь веду.

— Да родомъ-то мы выходимъ Пермьчичи, есть вотъ тоже и Вятки, Нолинскаго уѣзду, не хотя отвѣчали мужики.

— Земляки вѣдь вы мнѣ! сказалъ я и сѣлъ рядомъ съ ними на бревно.

Мужики придвинулись плотнѣе другъ къ другу, перестали чинить свои зипуны и обратили все вниманіе на меня.

— Да вы, братцы, не робѣйте, я вѣдь простой человѣкъ, не чиновный, я купецъ.

— Ой-ли? Такъ ты, дѣло выходитъ, тоже вячкой? оживляясь спрашивали мои новые знакомцы.

— Вятской, вятской; — я изъ города Елабуги.

— А-а! кака штука!.. Ну землячекъ, такъ ты чево-ино, сосланъ штоли сюды?

— Нѣтъ, зачѣмъ сосланъ. Я здѣсь по своимъ дѣламъ. Вотъ Богъ дастъ покончу ихъ, да и назадъ поѣду, на свою сторону.

— Вотъ оно што! Т-а-къ. Назадъ... Не ладится што-ли здѣсь?

— Да, не больно ладится, да и далеко отъ своей стороны тоже.

— Правда, братъ землячекъ, совсѣмъ твоя правда, грустно сказали Вятчи и вздохнули, глубоко вздохнули.

Всѣ мы замолчали и долго продолжалось это молчаніе, каждому вспоминалась своя родная сторона, милые сердцу образы вставали въ воображеніи и грустно какъ-то стало на сердцѣ.

— Какъ-же вы, братцы, изъ подъ Хабаровки-то сюда попали, спросилъ я, послѣ молчанія.

— Изъ подъ Хабаровки-то?

— Ну да.

— Изъ подъ Хабаровки-то землячокъ, правду тѣ коли сказать, мы братъ оттуда убѣгли, вотъ што!

— Какъ убѣгли? удивился я.

— Да такъ вотъ, поди ты, убѣгли, братецъ, да и кончено дѣло и весь сказъ тутъ.

— Что вы ребятаушки! да какъ-же? Зачѣмъ-же вы убѣгли-то?

— Эхъ землячокъ, землячокъ! Самъ ты посуди, отъ добра разѣ человѣкъ убѣжить. Значить ужъ худо было, коли убѣгли, — вотъ она штука-то какая! Земля, все равно теперь, что голая глина, жить совсѣмъ не въ моготу было...

— Ну и что-же вы сдѣлали? Какъ устроили свой побѣгъ-то?

— Да чево мы? Мы ничево. Подумали, подумали, поохали да погорѣвали, а потомъ перекрестились да благословясь и порѣшили задать деру изъ подъ Хабаровки-то. Пришли вотъ тутъ, отсюда верстъ тридцать, отъ городу-то, рѣчоночка такая малехонькая есть, Завитая, баютъ, зовется, какъ-ли ино, — Богъ ее знаетъ; только мы на ней и сѣли поселкомъ, запахали земли десятины семь видно. Теперь вотъ сюда въ городъ пришли на заработки; управились значить съ своимъ дѣломъ — то.

Земляки мои засмѣялись и, видимо, были довольны: «дескать ты простота, ничего не смыслишь, какъ нужно дѣла-то обдѣлывать».

— Нужды нѣтъ, землячекъ, ничево. Теперь ужъ мы никого не боимся. Полиція ужъ насъ всѣхъ знаетъ на перечетъ;—вотъ что! Мы, видишь-ли, какъ теперя пришли сюды, такъ прямо, перво дѣло — землю пахать.

— Ребята хвачки, подхватилъ одинъ изъ вятичей и всѣ засмѣялись.

— Ну дай вамъ Богъ земляки, здоровья, да въ дѣлѣ подспорья.

Я поднялся съ бревенъ и хотѣлъ идти, но вятичи меня остановили вопросомъ: когда я поѣду и стали заказывать порученія на родину.

— Будешь коли въ нолинскомъ уѣздѣ — заѣзжай въ нашу деревню, скажи, что худо моль переселяться,—больно худо. Жили, моль подъ Хабаровкой со всячиной, всякаго горя натерпѣлись; дома-то моль пшеничной не умѣли есть, а подъ Хабаровкой моченый да тухлый арженой жевали, да и то не всегда, иной разъ безъ хлѣба и безъ соли сиживали,—рыбищу эту амурскую ловили, да варили —не сладко безъ соли-то. Скажи, землячокъ, что теперь вотъ около Благовѣщенска моль дѣло ладится и бумажки тоже мало-дѣло завелись за пазухой, потому—работа есть,—скажи мотри, да ладнѣе.

— Скажу, скажу. Только я еще на свою сторону не скоро доберусь.

— Ну да когда будешь, все-же живой человекъ—скажешь, а они чай объ насъ ничево и не слыхивали, не знаютъ, поди, живы-ли, аль нѣтъ.

Я простился съ своими земляками и пошелъ далѣе. Поднимаясь на берегъ, я посмотрѣлъ ихъ временное помѣщеніе въ балагашкѣ, прильпившемся у крутого, песчаного берега. Балаганъ сдѣланъ изъ древесной коры и похожъ отчасти на шатеръ: дождемъ не мочить, отъ вѣтра не очень продувается и ладно. Вотъ, Богъ дастъ, къ осени переселенцы на своемъ новомъ поселкѣ, сколотятъ себѣ струбъ; за первымъ явится другой, тамъ третій, потомъ, Богъ дастъ, жены съ ребятишками по бумамъ возвратятся и образуется деревенька.

И такъ изъ Приморской области начинаютъ по немногу переселяться въ Амурскую. Это доказываетъ, что землі, лежащія за ст.

Хабаровкой по р. Амуру (про р. Усури въ нашихъ запискахъ нѣтъ рѣчи) для хлѣбопашества неудобны и по общимъ отзывамъ извѣстно, что начиная отъ Хабаровки, чѣмъ ближе къ Николаевскому порту, тѣмъ почва дѣлается хуже и, хуже и наконецъ совершенно переходить въ тундристую, болотистую, ни на что не пригодную мѣстность. На этомъ 800-верстномъ пространствѣ, какъ будто сама природа назначила жить только гольдамъ, да гилякамъ, печальнымъ пасынкамъ природы, съ ихъ тощими и легкими для бѣга собаками.

V.

Осень въ Благовѣщенскѣ бываетъ почти постоянно сухая и холодная; о той пасмурной погодѣ и продолжительныхъ дождяхъ, которыми такъ богаты нѣкоторыя изъ русскихъ губерній,—въ Благовѣщенскѣ и понятія не имѣютъ. Осень наступаетъ незамѣтно; лѣтній жаръ сбывается по немногу, въ воздухѣ дѣлается все свѣжѣе и свѣжѣе, постепенно наступаютъ зимніе морозы, рѣка покрывается льдомъ и все чаще начинаютъ завывать вѣтры. Снѣгъ въ Благовѣщенскѣ не держится.—Тянется зима съ своими скучными, безконечными вечерами. Счастливъ тотъ смертный, который по какимъ бы то ни было обстоятельствамъ, заѣхавъ въ такую глухую и безлюдную даль,—можетъ примириться съ потребностями общества и находить утѣшеніе и отраду въ ералашѣ, пикетѣ и преферансѣ, и горе тому, кто не захочетъ послѣдовать благоразумному совѣту опытныхъ людей,—загложетъ его благовѣщенская зима въ конецъ. Почта, получаемая въ продолженіи лѣта два раза въ мѣсяцъ, съ прекращеніемъ пароходныхъ рейсовъ не получается до закрытія рѣки льдомъ—извольте ждать съ 15 сентября до 20 ноября.

Ожидавшіе въ Благовѣщенскѣ зимняго пути, обыкновенно, уѣзжаютъ. Городъ становится совсѣмъ пустъ. Наконецъ и карты теряютъ свою обаятельную силу,—кой-гдѣ начинаютъ прорываться жалобы на скуку. Господи! Да хоть бы скандалъ какой нибудь устроился, говорятъ скучающіе. Въ мое время вездѣ слышались

жалобы на медленность и неакуратность въ полученіи почты, но лишь только получалась она, городъ оживалъ дня на два на три, забывая про перенесенную тоску ожиданія. Одна изъ зимнихъ почтъ привезла, между прочимъ, интересную для жителей Благовѣщенска новость-книжку журнала «Время», въ которой была напечатана статейка подъ заглавіемъ: «Изъ путевыхъ замѣтокъ по Амуру». Надѣлала эта статейка горя! Содомъ и гоморрь образовался вдругъ изъ мирнаго города,—каждый узнавалъ себя и бѣсился, ругая автора. Одинъ почтенный господинъ, названный въ статейкѣ, обладателемъ бороды, похожей на половую щетку, до того зарাপортовался въ своемъ безграничномъ озлобленіи, что серьезно началъ подумывать о протестѣ противъ автора и если унялся, то благодаря исключительно совѣтамъ своихъ товарищей, доказавшихъ разгнѣванному пріятелю опасность печатной самозащиты: «смотри дружокъ, говорили они, будешь защищаться обоюдоострымъ оружіемъ, какъ бы не обрѣзаться тебѣ».

Къ январю мѣсяцу мѣстная полиція стала составлять статистическія свѣденія о числѣ жителей, лавокъ и проч. Въ свѣденіяхъ этихъ между прочимъ было означено, что въ г. Благовѣщенскѣ есть свѣчной заводъ и на этомъ свѣденія прекратились. Кому онъ принадлежитъ, сколько вырабатываетъ свѣчъ, изъ какого матеріала,—объ этомъ составитель статистическихъ свѣденій благо-разумно умолчалъ. Однажды при разговорѣ съ однимъ изъ чиновниковъ полиціи, я спросилъ, гдѣ же это находится свѣчной заводъ въ городѣ?

— У васъ, отвѣчалъ мнѣ чиновникъ.

— Какъ, говорю, у меня? что вы, Христось съ вами!

— Да вы-же льете свѣчи на дому—значить у васъ и заводъ!

— Вотъ тебѣ и разъ, подумалъ я.

У меня, дѣйствительно, было при квартирѣ два станочка съ дюжиною свѣчныхъ формъ, на которыхъ мы вдвоемъ съ мальчикомъ практиковались въ выдѣлкѣ свѣчей и, вдругъ, неожиданно, негаданно, попали въ заводчики. И вотъ такого сорта статистическія свѣденія, вѣроятно, печатаются потомъ для назиданія публики и нашего ученаго міра.

Теперь мнѣ сдѣлалось понятно, какъ нѣкогда писали о какихъ-то десяткахъ кораблей, плававшихъ по Амуру и существовавшихъ только въ воображеніи автора; писали-же, что Иркутскъ получаетъ по баснословно-дешевой цѣнѣ сахаръ и чуть ли не всѣ продукъ-

ты чрезъ Амуръ, тогда какъ въ дѣйствительности въ Иркутскъ сахару чрезъ Амуръ не привозится, потому что провозъ по Амuru вверхъ и сухимъ путемъ по Забайкальской области, стоитъ очень дорого, да и пошлина въ Иркутскѣ на амурскіе товары самая почтенная. Надо замѣтить, что наша хлестаковщина въ отдаленныхъ захолустяхъ переходитъ въ чистомимическое творчество.

Наступилъ новый манчжурскій годъ (въ началѣ февраля; онъ считается у манчжуръ какъ и у китайцевъ по теченію луны). Многие изъ жителей Благовѣщенска отправились въ Айгунь на праздникъ. Манчжуры, такъ же какъ и китайцы чрезвычайно радужно и хлѣбосольно проводятъ дни своего новаго года, такъ же иллюминуютъ и украшаютъ разноцвѣтными фанарями свои улицы, дома, лавки, также щедро угощаютъ приходящихъ знакомыхъ и незнакомыхъ. Во время этого праздника, одинъ изъ русскихъ чиновниковъ, считавшійся другомъ и пріятелемъ анбани (начальника города), пробираясь по улицѣ послѣ сытнаго обѣда и весьма солидной выпивки отъ знакомыхъ манчжуръ, — мимоходомъ заглянулъ въ одиноко-стоявшій посреди улицы манчжурскій экипажъ и, увлекшись красотой сидѣвшей въ экипажѣ молодой манчжурки, влѣпилъ въ ея сахарныя уста нѣсколько горячихъ поцѣлуевъ. Крикъ и пискъ поднялся ужасный. Сибирскій Ловеласъ хотѣлъ задать поскорѣе тягу, но сбѣжались манчжуры и какъ не увертывался въ толпѣ чиновникъ, но его поймали, связали назадъ руки и повели на судъ анбани. Молоденькая манчжурка была его родная дочь. Привели чиновника къ анбаню и бѣдный старикъ удивился, увидя своего закадычнаго друга въ такомъ позорномъ положеніи.

— Ну братъ, Дмитрій, сказалъ Анбань, — жалко мнѣ тебя, да нечего дѣлать, нельзя — самъ ты виноватъ. Только я для тебя сдѣлаю облегченіе: я напишу твоему начальнику, чтобы онъ тебя высѣкъ полегче, а все-таки высѣчь надо — безъ этого, братъ, народъ балуется.

Анбань дѣйствительно написалъ официально губернатору, что вотъ такого-то русскаго чиновника, за нарушеніе приличій и оскорбленіе его дочери, онъ проситъ, согласно существующимъ у манчжуръ законамъ, высѣчь бамбуками, но такъ какъ этотъ чиновникъ пріятель его самаго, анбани, то было бы жалко слишкомъ сильно подчинать бамбуками друга и потому официальное посланіе заключалось просьбой: *сѣчь не очень больно*.

Долго смѣялись въ Благовѣщенскѣ надъ этимъ посланіемъ. Черезъ мѣсяцъ анбанъ самъ посѣтилъ Благовѣщенскъ и, встрѣтившись съ чиновникомъ у губернатора, заботливо спросилъ: а что, вы, ваше превосходительство, не очень больно его сѣкли? Губернаторъ объяснилъ, что по русскому закону тѣлесное наказаніе существуетъ не для всѣхъ, что даже есть слухи о совершенномъ уничтоженіи тѣлеснаго наказанія. Задумался анбанъ, крѣпко задумался надъ даннымъ объясненіемъ и долго молчалъ, вспоминая, можетъ быть, какъ иногда ему попадало въ спину десятковъ пять-шесть хорошихъ бамбуковъ.

— А хорошо это у русскихъ, сказалъ онъ вздыхая, — очень хорошо, — только чтобы не изболовался народъ, — и потомъ подойдя къ своему другу чиновнику, ласково потрепалъ его по плечу, приговаривая: айя! (хорошо!)

VI.

Пятнадцатаго апрѣля тронулся ледъ по Амуру. Все населеніе отъ стараго до малаго высыпало на берегъ — смотрѣть на движущуюся массу льда. На другой день двинулся ледъ по Зеѣ и заперъ ходъ Амуру. Трескъ пошелъ по рѣкѣ отъ напора льдинъ, громоздившихся одна на другую; высокія горы догоняли одна другую и, съ шумомъ разрушаясь, замѣнялись еще большими горами льдинъ. Изъ манчжурской деревни слышался визгъ и свистъ: манчжуры вызывали бога вѣтровъ на помощь спертому льду. Дня три продолжалась борьба и амурскій ледъ побѣдилъ ледъ Зеи — онъ заперъ въ свою очередь ходъ зейскому льду. Черезъ недѣлю рѣка совершенно очистилась отъ льда, манчжуры, не бывавшіе такъ долго на русскомъ берегу, при первой возможности переплыли и посѣтили своихъ пріятелей купцовъ.

— А что, пліатерь, скоро порохода придетъ, селебро привезетъ, спрашивали они.

— Скоро, скоро. Какъ обыкновенно бываетъ, къ шестому или седьмому мая, утѣшали купцы.

Но пришло и десятое мая, а пароходъ не приходилъ. Отчего онъ замедлить и что съ нимъ за оказія случилась, никто не могъ рѣшить. Жители стали чаще расхаживать по берегу и тоскливо смотрѣли вверхъ по рѣкѣ, ожидая пароходъ. Почта не получалась тоже уже болѣе двухъ мѣсяцевъ—городъ находился въ какомъ-то изолированномъ положеніи,—точно оно на всемъ бѣломъ свѣтѣ одинъ оди-нехонекъ существуетъ и кругомъ его на необозримое пространство—пустота.

Прошло три недѣли самаго ужаснаго, томительнаго ожиданія и двадцатаго числа вмѣсто парохода приплыли двѣ лодки—съ почтой. Вышло, слѣдовательно, что «гора родила мышъ», но за неимѣніемъ лучшаго жители были рады и лодкамъ. По распросамъ оказалось, что въ Шилкѣ воды мало, порѣкѣ бродятъ куры, и бабы пѣшкомъ переходятъ съ одного берега на другой. Зима въ Забайкальѣ была безснѣжная, и въ маѣ въ Шилкѣ оказалось воды менѣе фута. Чрезъ нѣсколько дней еще приплыли лодки частныхъ лицъ и получились тѣ-же неутѣшительныя извѣстія. Тоскливо тянулся весь май. Манчжуры—и тѣ повѣсили свои бритыя головы; они тосковали, что давно не покупали русскаго серебра. Торговля вообще была тиха, всѣ ждали новыхъ товаровъ, свѣжихъ колониальныхъ продуктовъ, а главное русской серебряной монеты, безъ которой, какъ извѣстно, на Амурѣ ничего не подѣлаешь. Странная однакожь вещь! Манчжуры, падкіе до русскаго серебра,—почти не берутъ золотой монеты и во все время моей жизни на Амурѣ я ни разу не встрѣтилъ нигдѣ ни одного полумперіала. Чѣмъ объяснить это непонятное пренебреженіе къ золоту? А между тѣмъ, по разсказамъ людей, плававшихъ внизъ по Амuru и по Уссури,—тамъ находятъ слѣды прежнихъ золотыхъ рѣисковъ, веденныхъ, какъ замѣтно, въ весьма обширныхъ размѣрахъ. Слѣдовательно, китайское правительство знаетъ цѣну золоту, да и въ Кяхтѣ его постоянно сбывалось громадное количество, сначала контрабандой, а потомъ, по разрѣшеніи свободной торговли, открыто. Вотъ тутъ какъ хочешь такъ и добирайся до причинъ,—какими руководствуются манчжуры въ дѣлѣ торговли.

Пароходъ пришелъ въ Благовѣщенскъ только 6 іюня, а баржи добрались до города къ 20 и 25 числу. Лѣто, слѣдовательно, наступило очень поздно.

Въ іюнь, по распоряженію мѣстнаго губернатора, былъ отправленъ внутрь Манчжуріи въ качествѣ посланника, въ Чичикорь

г. Малевичъ, мѣстный судья, отличавшійся, какъ говорили, дипломатическими способностями. Его сопровождали два переводчика: г. Перебоевъ и монгольскій князь Гантимуръ. Причины посольства состояли въ томъ, чтобы сократить лишнюю переписку, веденную между русскимъ и манчжурскимъ начальствомъ отъ Чичикора чрезъ Айгунъ и устроить прямыя сношенія прямо съ Чичикоромъ. Кромѣ этого рассчитывалось на уступку манчжурами острова, находящагося противъ албазинской станицы и части сѣнокося на правомъ берегу. Манчжуры, слышавъ о посольствѣ, пронесли по всей манчжуріи вѣсть, что ѣдетъ посоль изъ Петербурга покупать часть Манчжуріи—шумъ такой пошелъ, что не приведи Создатель! однако-жъ эта сказка очень повредила г. Малевичу. Въ Чичикорѣ его дѣйствительно приняли за настоящаго посланника, отвели ему роскошное помѣщеніе и поставили почетный караулъ въ двѣсти человѣкъ манчжурскихъ офицеровъ. На утро пригласили его пожаловать въ таймунъ (верховный домъ судилища.) Г. Малевичъ отправился. Его ввели въ довольно-большой залъ, гдѣ на высокомъ стулѣ съ китайскою важностію возсѣдалъ старый, сѣдой, и уже дряхлый правитель Манчжуріи. Тихо, едва слышно начались его старческіе вопросы. Г. Малевичъ прямо объяснилъ, что было нужно и былъ очень пораженъ грубой перемѣной обращенія. Манчжуры, видя сами себя одураченными своей собственной довѣрчивостію къ народной молвѣ,—сдѣлались непростительно сухи и холодны съ г. Малевичемъ. Дряхлый, выжившій изъ ума старикъ коротко сказалъ, что по силѣ трактата онъ имѣетъ сношенія только съ генераль-губернаторомъ восточной Сибири и министромъ—резидентомъ, живущимъ отъ русскаго правительства въ Пекинѣ. Г. Малевичъ не сталъ съ нимъ разсуждать и не обращая вниманія ни на какія церемоніи, ушелъ изъ таймуни. Почетный караулъ отъ его квартиры исчезъ и вмѣсто него явился у дверей оборванный манчжурскій солдатъ. Чрезъ нѣсколько времени въ помѣщеніе, занимаемое имъ, явился одинъ изъ анбаней и ласково сталъ извиняться въ своихъ собственныхъ ошибкахъ и довѣрчивости къ глупой сказкѣ, распущенной манчжурами, говоря, что дряхлый правитель чуть не отправился въ царство тѣней, такъ какъ его одурачилъ подданный ему народъ. Г. Малевичъ объяснился съ анбанемъ и устроивъ, что было возможно, возвратился чрезъ двѣ или три недѣли обратно въ Благовѣщенскъ. Айгунскіе анбани были сначала очень недовольны, что русское начальство какъ

будто считало низкимъ вести переговоры чрезъ нихъ, но потомъ, чрезъ нѣсколько времени, дѣло снова уладилось и переговоры стали вести по прежнему чрезъ Айгунь. Губернаторъ Амурской области давно хлопоталъ о томъ, чтобы открыть торговлю по рѣкѣ Сунгари, такъ какъ доносились слухи о дешевизнѣ всякаго рода продуктовъ въ населеніяхъ этой многоводной рѣки. Долго шли переговоры объ этой торговлѣ и въ мое пребываніе на Амурѣ они не окончились. Впослѣдствіи, уже почти чрезъ три года, и именно въ май мѣсяцъ настоящаго года, я прочиталъ въ Биржевыхъ вѣдомостяхъ описаніе перваго рейса русскаго парохода по Сунгари до города Гирина. Поѣздка тоже кончилась ни чѣмъ, только и узнали то, что населеніе по Сунгари весьма большое, но торговли, по неизвѣстнымъ обстоятельствамъ (вѣроятно манчжурское правительство по обыкновенію сдѣлало строжайшій приказъ не имѣть никакихъ торговыхъ сношеній съ русскими) манчжуры не хотѣли вести и позволяли русскому пароходу только плавать по рѣкѣ, почти не давая приставать къ берегу. Манчжуры дивились огненной лодкѣ и лѣзли толпами на борты парохода, отгоняемые просто палками, потому что всякія увѣщанія оказывались недѣйствительными. Китайское правительство вообще туго поддается на сближеніе съ европейцами, хотя прикрываетъ свое нежеланіе полнымъ согласіемъ и даже какъ будто радостію; а между тѣмъ спѣшитъ тайно разослать самыя строжайшія приказанія не имѣть съ европейцами никакого дѣла, никакихъ разговоровъ, стараться загоразживать имъ путь, устраивать всевозможныя препятствія и какъ можно менѣе давать возможности разузнавать что-либо касающееся ихъ жизни, торговли, постройки городовъ, количества населенія и проч! Всѣ эти строгія приказанія подкрѣпляются угрозами отхлестать неисполнителей самими толстыми бамбуками. — Конечно такая странная политика весьма убыточна въ дѣлѣ торговли и ясно доказываетъ всю глубину невѣжества и близорукость взглядовъ китайскаго правительства.

Во время моего пребыванія въ Благовѣщенскѣ иркутскій купецъ Пахолковъ первый предложилъ манчурамъ привезенное имъ мезерицкое сукно, но этотъ опытъ не представилъ тѣхъ выгодъ, какія представлялъ сбытъ мезерицкаго сукна въ Кяхтѣ. Оно всегда и въ большомъ количествѣ сбывалось въ Майматчинѣ и въ послѣдніе годы кяхтинской торговли покупалось китайцами даже на серебро. По отзывамъ китайцевъ мезерицкое сукно русскихъ

фабрикъ лучше англійскаго, что и доказали сами англичане, обмундировавъ въ Тяньдзинѣ свою армію сукномъ нашихъ фабрикъ, хотя англійское сукно въ то время было въ Тяньдзинѣ въ достаточномъ количествѣ. Наши фабриканты немножко только подгадили въ 1860-хъ годахъ одной не совсемъ скромной исторіей, но это дѣло такъ сказать семейное и говорить о немъ не слѣдъ тѣмъ болѣе, что при этомъ сбылась русская пословица: «сама себя раба бьетъ, когда нечисто жнетъ»; но китайцы — дѣло другое: онѣ давно привыкли къ торговому дѣлу и русскимъ извѣстно было, что нужно привозить на Кяхту. Айгунскіе-же манчжуры далеко ниже ихъ въ торговомъ отношеніи и, до появленія на Амурѣ русскихъ, мало видали европейскихъ товаровъ—онѣ проникали къ нимъ только чрезъ Монголію. У манчжуръ лишь въ послѣднее время увеличился привозъ кирпичнаго чаю, а байховаго почти нѣтъ. Предложилъ мнѣ однажды манчжуръ изъ Сахалина купить у него байховый чай, что-то около пяти ящичковъ, но это была такая труха, какую въ Кяхтѣ китайцы стыдились бы и показать. Вообще торговля на Амурѣ, какъ со стороны манчжуръ, такъ и со стороны русскихъ, находится еще въ зародышномъ состояніи.

Кромѣ торговли съ манчурами нужно желать конечно развитія дѣла съ Америкой и съ этой-то стороны велико значеніе Амура въ будущемъ. Въ будущемъ! Но въ какомъ далекомъ будущемъ! Можетъ быть только внуки нашихъ праправнуковъ увидятъ развитіе этаго дѣла,—увидятъ то время, когда американцы вмѣсто джину, портеру и сигаръ будутъ привозить на Амуръ хлопковъ для сибирскихъ фабрикъ, сахарный песокъ для сибирскихъ заводовъ и прочія произведенія своей страны; когда Сибирь въ обмѣнъ будетъ давать свои произведенія... Но, повторяю, далеко еще это хорошее будущее и много, много еще нужно сдѣлать для того, чтобъ оно осуществилось; нужно улучшать пути сообщенія, нужно сдѣлать рѣку Шилку вполнѣ судоходной, устроить желѣзную дорогу отъ Нерчинска до Иркутска... такъ что теперь можно объ этомъ помечтать развѣ отъ нечего дѣлать. Тѣмъ не менѣе мы заключимъ эту статью словами одного писателя, сказанными во время занятія Амура русскими, что «Тихій океанъ—это средиземное море будущаго.»

Д. СТАХѢВЪ.